

советского избирательного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Моск. гос. ун-т. – М., 1973. – 24 с. 11. *Снисаренко Л.Ю.* Политика оживления Советов на Украине в 20-е годы (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Київ. держ. ун-т. – К., 1991. – 216 с. 12. *Ставнійчук М.І.* Законодавство про вибори народних депутатів України: проблеми теорії і практики: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / ІДП НАН України. – К., 1999. – 180 с. 13. *Страшун Б.А.* Избирательное право социалистических государств. – М.: Изд-во ИМО, 1963. – 248 с. 14. *Тодика О.Ю.* Вибори до парламентів країн СНД (Порівняльно-правовий аспект): Монографія. – Х.: Факт, 2003. – 147 с. 15. *Яковенко Д.Т.* Высшие органы государственной власти Украинской ССР в условиях строительства социализма (1917 – 1937 гг.) (Конституционные основы организации и деятельности): Учеб. пособ. – К.: Науч.-исслед. и ред. отдел, 1975. – 118 с.

Надійшла до редакції 30.10.2007 р.

УДК 341.21(4)

А.П. Евсеев, аспирант
*Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков*

«СЕТЕВОЕ ГОСУДАРСТВО»: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

«Сетевое государство» является ключевой методологической проблемой современного европейского права. От ее разрешения зависит не только судьба тех или иных политико-правовых институций ЕС, архитектура «общеевропейского дома» в целом, но и будущее украинской государственности, взявшей курс на европейскую интеграцию. «Чтобы найти место и роль нашей страны в международных делах, – писал А.Е. Бовин, – нам нужно адаптироваться, приспособиться к новым условиям, новым тен-

денциям мирового развития. А для этого – понять их смысл и значение» [2, с. 501]. В силу отмеченного обстоятельства вопросы, касающиеся « сетевого государства », становятся актуальными не только для зарубежного, но и для отечественного государствоведения.

К сожалению, в отечественной юридической литературе исследованию данной тематики посвящены лишь 2 специальные работы – статья Л.С. Мамута [8] и монография Л.В. Голоскокова [3]. Интересный материал о

смежной проблеме «сетикета» (сетевого этикета – прим. автора – А.Е.) содержится в книге В.С. Зеленецкого и Л.Я. Филипповой [13]. В публикациях иных украинских и российских ученых (Ю.Н. Тодыки, О.Ю. Тодыки, В.Д. Зорькина, В.С. Нерсисянца, Э.М. Аметистова, И.И. Лукашука, В.Е. Чиркина, И.Ю. Богдановской, И.В. Яковьюка и др.) проблема «сетевого государства» рассматривается вскользь, мимоходом, лишь в связи с правовой интеграцией или международным сотрудничеством. В литературе по конституционному праву и по общей теории государства также нет специальных исследований указанных вопросов.

Между тем появление концепции «сетевого государства» отнюдь не случайно. Ее распространению в значительной мере способствовало то, что система межгосударственных отношений, сложившаяся в мире после заключения Вестфальских договоров 1648 г., последние полтора десятилетия уже не могла обеспечить устойчивый мировой порядок. Особенно четко это проявилось после того, как в 1999 г. – без санкции Совета Безопасности ООН – началась война в Косово. Более того, жесткая вестфальская интерпретация государственного суверенитета постепенно утратила свою прогрессивность, войдя в противоречие

с правами человека, в первую очередь с правом нации на самоопределение. Как известно, эти права ограничивают власть государственных лидеров над гражданами их стран и носят надгосударственный, наднациональный характер. Концепция государственного суверенитета использовалась также для камуфляжа всевластия монополистических элит и тоталитарных режимов, поскольку объективно склонна к косвенному оправданию *status quo*. Еще И. Бентам отмечал, что идея государственного суверенитета с ее подразумеваемым безусловным уважением к действиям суверенной власти применяется для оправдания наиболее несправедливых режимов, существовавших при неронах, калигулах и прочих тиранах, попиравших достоинство личности и деливших между собой народы, как стада, – по числу душ [Цит. по: 4, с. 26]. Все это потребовало от ученых Запада адекватного понимания, реакции и приспособления традиционных политико-правовых доктрин к изменившимся реалиям. В результате чего на рубеже XX-XXI вв. ряд западноевропейских и американских юристов отверг привычную Вестфальскую систему суверенных государств и выступил с идеей создания сетевой системы управления.

В «сетевом государстве»

можно выделить 2 основных аспекта: (а) осуществление государственного управления по сетевому принципу и построение в соответствии с ним властных структур для разрешения глобальных проблем (компетиционный аспект) и (б) высокую информационную оснащенность граждан этого государственного образования, наличие соответствующей системы (сети) коммуникаций, позволяющей им мобильно в любой точке земного шара участвовать в управлении государственными делами (коммуникативный аспект). При этом следует учитывать, что в реальной жизни оба аспекта настолько органически взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимопроникаемы, что провести между ними резкую разграничительную линию едва ли возможно. «Когда инфраструктура, обслуживающая функционирование некоторой страны или группы стран, основывается на использовании передовых технологий, то при этом нередко меняет свои свойства как политическая система в целом, так и ее отдельные элементы (возникают сетевые формы организации и механизм координации, происходят изменения в соответствующих институтах и др.)» [3, с. 15]. Особенности инфраструктуры « сетевого государства » являются компьютеризация, миниатюризация, ис-

пользование цифровых технологий, связь через спутники, Интернет. В результате всех этих изобретений и усовершенствований значительные объемы информации, в том числе политически весомой, могут быть перенесены в любую точку земного шара, что революционным образом воздействует на государственно-правовую жизнь.

Так, широкое использование Интернет-технологий в странах Евросоюза позволило существенно расширить политические права граждан путем предоставления моментального доступа к разнообразной информации, увеличения возможностей участвовать в процессе принятия политических решений и следить за действиями правительств в режиме он-лайн, предоставления возможности активно производить политически значимую информацию, а не только ее потреблять. Привычным делом стало участие в выборах и референдумах посредством голосования электронной почтой. В свою очередь, это позволило осуществить децентрализацию ЕС, удешевить и сократить государственный аппарат, обеспечить непрерывность его действия [подробнее см.: 7]. Таким образом, в «сетевом государстве» публичная власть преобразуется, реструктурируется, приспособляясь к сущности возрастающих в совре-

менном мире процессов управления, пронизанных более тесными взаимосвязями.

Однако следует помнить, что «сетевое государство» может возникнуть лишь там, где существует устойчивый, постоянный баланс интересов образующих его субъектов. Так, в ЕС подобный баланс (при всех известных издержках) позволил членам европейского сообщества делегировать часть своих прав и своего суверенитета наднациональным (supranational) органам, считать их решения (в пределах, очерченных опять-таки балансом интересов) обязательными для себя, подлежащими принудительному исполнению. Как видно, происходящий процесс европейской интеграции вносит в, казалось бы, незыблемые представления о государственном суверенитете новые элементы: нарушение прав человека позволяет вмешиваться во внутренние дела государств, а интеграционные процессы меняют значение государственных границ (Шенгенские соглашения).

В силу отмеченных обстоятельств «сетевое государство» характеризуется тем, что оно отличается, во-первых, устойчивой связью, стабильной способностью поддерживать свободную от помех коммуникацию между своими структурами, а во-вторых, согласованностью, обусловлен-

ной общностью интересов между целями названного государства и целями его компонентов [8, с. 5]. При этом важнейшей особенностью сетевого принципа построения государства является то, что значительные объемы государственного суверенитета здесь могут свободно делегироваться либо наднациональным органам (так называемый принцип пропорциональности), либо тем или иным субъектам в рамках одного и того же национального государства (принцип субсидиарности). Примером последнего может служить положение Конституции ЕС 2004 г., в соответствии с которым проблемы должны передаваться на тот наименьший уровень, на котором имеются ресурсы и возможности для их разрешения. В результате образуется своеобразное государство-сеть, система многомерных, коррелирующих друг другу публично-правовых связей, которую Ю.А. Тихомиров метко обозначил как «многоуровневый конституционализм» [11, с. 52].

Какие же социальные процессы трансформируют современные отношения власти, придают им принципиально новый – «сетевой» – облик?

По данному вопросу имеются две точки зрения: глобализационная и технократическая, каждая из которых по-своему гипертрафирует тот или иной аспект

«сетевого государства». Согласно первой версии, к представителям которой можно отнести М. Кастаньяса, «к концу XX в., когда проблемы мира становятся объективно глобальными, правительства, частные корпорации, организации, различные институты начинают объединяться для решения общих задач. Так возникает «сетевое» общество. Страны согласуют друг с другом и международными организациями денежную политику, вопросы глобальной безопасности, терроризма. Так создается первое «сетевое» государство – Евросоюз» [5]. Иными словами, в век быстрого технологического развития и изменений в условиях ведения бизнеса национальные правительства уже не способны действовать автономно. Они вынуждены согласовывать свою политику в определенных областях, если это отвечает их национальным интересам.

Другие исследователи, напротив, трактуют природу «сетевого государства» сугубо технократически. В частности, по мнению авторов «НЕТОКРАТИИ», в настоящее время существенно усилилось влияние информации и различных информационных, прежде всего компьютерных, систем на политическую жизнь, резко возросло участие специалистов в указанной сфере в государственном управлении. В этих ус-

ловиях, утверждают А. Бард и Я. Зодерквист, власть переходит от политиков и бизнесменов к программистам, техническим администраторам, инженерам и т. п., которые образуют особый управленческий класс – НЕТОкратию (от греч. *netos* – сеть, *kratos* – власть, господство, правление). Оставшаяся часть социума являет собой своего рода «сетевой пролетариат» – консьюмтариат (от англ. *consumer* – потребитель). Таким образом, вследствие научно-технического прогресса и компьютеризации общественной жизни происходит «изменение механизмов распределения власти в обществе и переход её от одного правящего класса, буржуазии, к новому – нетократам» [1, с. 9]. Возникает новая социально-политическая система – «сетевое государство», в котором «ни дворянские титулы, ни богатство не имеют ценности. Решающим фактором, управляющим положением индивидуума в этой иерархии, служит его или её привлекательность для сети, т.е. способность абсорбировать, сортировать, оценивать и генерировать внимание к себе и к ценной информации» [1, с. 122].

Полагаем, что первая (глобализационная) трактовка «сетевого государства» не лишена элементов реализма и отчасти уже получила свое закрепление на

конституционном уровне (в Конституции Евросоюза). Она рассматривает «сетевое государство» как результат нарастающего взаимодействия участников международного общения, как следствие интернационализации, пронизывающей политику, экономику и культуру всех, и в первую очередь европейских народов и государств. «Развитие человеческой цивилизации от ее истоков до современности, – писал в этой связи В.С. Нерсисянц, – это движение от различных локальных историй ко все более всемирной всеобщей истории человечества» [9, с. 40].

Ключевым здесь становится, безусловно, вопрос о разграничении компетенции между «сетевым» и национальным уровнями политической власти. Конституция ЕС 2004 г. делит компетенцию Евросоюза на несколько уровней. а) исключительная; б) совместная; и в) компетенция по осуществлению «поддерживающей, координирующей или дополняющей деятельности», т.е., по сути, собственная компетенция государств-участников ЕС. При этом на надгосударственный, «сетевой» уровень передаются вопросы, связанные с: а) таможенным союзом; б) установлением правил конкуренции, необходимой для функционирования внутреннего рынка; с) денежной политикой в отношении госу-

дарств-участников «зоны евро»; д) сохранением морских биологических ресурсов в рамках общей политики в отношении рыболовства; е) общей торговой политикой [6, с. 105]. Совместная компетенция ЕС и национальных государств охватывает вопросы, связанные с: а) внутренним рынком; б) социальной политикой; с) экономическим, социальным и территориальным сплочением; д) сельским хозяйством и рыболовством; е) окружающей средой; ф) защитой потребителей; г) транспортом; h) трансъевропейскими сетями; i) энергией; j) пространством свободы, безопасности и правосудия; к) общими проблемами безопасности в сфере здравоохранения [6, с. 106]. В остальных сферах государственной жизни страны-участники осуществляют свою компетенцию самостоятельно. Таковы нормативные параметры первого в мире « сетевого государства». Пока что его природа несколько противоречива: оно сочетает в себе элементы централизации и децентрализации, усиления его наднационального характера и «размывания» власти между государствами-членами в зависимости от конкретных вопросов и областей.

Показательно, что сетевой принцип построения социальных связей и отношений возможен не только на уровне ЕС – страна-

участница, но и на местном, региональном уровне. К примеру, в ФРГ чрезвычайно популярны интеграционные объединения земель, городов и коммун, с чьей компетенцией, как указывает Э. Репер, государство в принципе не конкурирует и не пересекается [10, с. 166]. В рамках своей компетенции они даже могут заключать международные договоры и учреждать правительства. После конституционной реформы 1993 г. в международной европейской кооперации ФРГ, ее объединения и регионы участвуют на равноправной основе. Подобная децентрализация, безусловно, работает на идею «сетевого государства», в котором соответствующие координационные сети функционируют не только на межгосударственном, но и на региональном (между административно-территориальными единицами) и даже на локальном уровнях (между научными учреждениями, образовательными заведениями, финансовыми корпорациями, общественными объединениями и т.д.). Так что иерархия далеко не всегда является «универсальным принципом по-

строения социальных организованных систем» [12, с. 115]. Европейская политико-правовая практика это убедительно доказывает.

В заключение следует отметить, что сетевое умонастроение все более перерастает рамки специальной доктрины и получает все большее распространение в различных странах, пронизывая в значительной степени весь процесс европейской интеграции. Может ли сообщество специалистов в сфере конституционного права Украины игнорировать эти тенденции? Думается, что нет. Ведь для нас важно не только не выпасть из глобального пространства, в котором мы пребываем, но и построить с ним взаимовыгодные отношения открытости. А сделать это можно лишь с помощью изучения и критического осмысления новых политико-правовых явлений и процессов, происходящих в мире, активного участия в них. Важно только, чтобы происходящие в мире перемены не заслоняли самого главного, во имя чего они проводятся, — человека с его правами и свободами.

Список литературы: 1. Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. — СПб.: Стокгольм. шк. Экон-ки, 2004. — 252 с. 2. Бовин А. Ведущие тенденции развития международных отношений // Воспоминания об Александре Бовине / Сост. В.Т. Захарько и др. — М.: Любимая Россия, 2006. — С. 499-513. 3. Голоскоков Л.В. Теория сетевого права / Под ред. А.В. Малько — СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2006. — 191 с. 4. Зорькин В.Д. Идеологический и познавательный аспекты политико-правовых доктрин // Вестник МГУ. — Серия 11: Право. — 1976. — № 3. — С. 25-34. 5. Кастельс М. Сеть и хаос //

www.expert.ru. 6. Конституция ЕС: Договор, устанавливающий Конституцию для Европы (с комментариями). – М.: ИНФРА-М, 2005. – 622 с. 7. Лебедева Н.Н. Влияние Интернета на взаимоотношения государства и общества // Гос-во и право. – 2004. – № 10. – С. 84-91. 8. Мамут Л.С. «Сетевое государство»? // Гос-во и право. – 2005. – № 11. – С. 5-12. 9. Нерсесянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Гос-во и право. – 2005. – № 5. – С. 38-47. 10. Реллер Э. Региональные сети ЕС и сферы компетенций между городами в многоуровневой системе ЕС // Муниципальные и региональные процессы в условиях глобализации и европеизации / Под ред. Г.В. Витткэмпера и др. – М.: КДУ, 2006. – С. 155-175. 11. Тихомиров Ю.А. Общая характеристика конституционного законодательства / Конституционное законодательство России / Под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Городец, 1999. – С. 26-56. 12. Тодыка О.Ю. Народовластие в условиях глобализации – Х.: Право, 2005. – 336 с. 13. Филиппова Л.Я., Зеленецкий В.С. Компьютерная этика. Морально-этические и правовые нормы для пользователей компьютерных сетей. Учеб. пособ. – Х.: Кроссруд, 2006. – 212 с.

Надійшла до редакції 01.10.2007 р.

УДК 347

Ю.А. Тобота, аспирант
*Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков*

КАТЕГОРИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Идея справедливости каждым индивидом не столько теоретически осмысливается, сколько интуитивно воспринимается. Следует согласиться с В.В. Ладыченко, что при этом человек зачастую не может сформулировать свое понимание справедливости или несправедливости того или иного поступка, акта власти, экономического решения, однако он ощущает и как бы взвешивает их правильность на своих, так сказать, внутренних весах. И с

этим внутренним чувством нельзя не считаться [4, с.4].

Исследование категории «справедливость» предпринималось многими учеными, представителями отечественной и зарубежной правовой науки, в частности, С.С. Алексеевым, М.И. Козюброй, В.В. Ладыченко, С.И. Максимовым, П.В. Рабиновичем, М.В. Цвиком, Ж.-Л. Бержелем, Ф. Гаеком, Р. Дворкиным, Г. Кельзенем, Д. Ллойдом, Г. Радбрухом, П. Рикером. Однако работы на-